

В.М. Безотосный
V.M. Bezotosny

**РОССИЯ В СОЮЗАХ И КОАЛИЦИЯХ
В ЭПОХУ 1812 года**

**RUSSIA IN ALLIANCES AND COALITIONS
IN THE ERA OF 1812**

В статье анализируются причины участия России в антинаполеоновских коалициях (1805–1807), а затем заключения в Тильзите военно-политического союза с Наполеоном в 1807 г. При вариативности внешнеполитического курса рассматривается вопрос объективности геополитического союза России и Франции и проблема соответствия или противоречия проводимой политики императором Александром I с национальными интересами России.

The article analyzes the reasons of the Russian Empire participation in the anti-Napoleonic coalitions (1805–1807), and then the conclusion of a military-political alliance with Napoleon in Tilsit in 1807.

In respect that the foreign policy of the Russian Empire was very variable, the issue of objectivity of the geopolitical alliance of Russia and France and the issue of accordance or contradiction of Emperor Alexander's politics with the national interests of Russia being considered.

Ключевые слова: геополитика, коалиции, союзы, война, историография, Александр I, Наполеон, русское дворянство, национальные интересы, Великобритания

Keywords: geopolitics, coalitions, unions, war, historiography, Alexander I, Napoleon, Russian nobility, national interests, Great Britain

В литературе с середины XIX в. известна фраза о том, что историю пишут победители. И последствия – «*Vae victis!*» («Горе побежденным!»). Смысл выражения в том, что все можно оправдать историкам победившей стороны, а даже благородный противник бу-

дет очернен. Эта мысль была впервые сформулирована во Франции, а впоследствии стала часто употребляться европейскими исследователями и общественным деятелями. Но данная формула не совсем подходит для российской истории, поскольку в наше время мир наполнен продвинутыми технологиями, которые могут легко опровергнуть любую идею. Например, в отечественной историографии навязывается точка зрения, что победа в 1812 году была исторической ошибкой, или даже так: Россия, победив, проиграла. Именно этим обстоятельством объясняется мой выбор темы про русское участие в союзах и коалициях в наполеоновских войнах, поскольку некоторые мои оппоненты полагают, что внешнеполитический курс в период правления Александра I не отвечал и даже противоречил национальным интересам России. Это при том, что прошлое непреодолимо, оно только ставит вопросы перед настоящим. Попробуем разобраться в этой проблеме.

Сегодня общепризнано, что в начале XIX столетия главными игроками на европейской арене являлись наполеоновская Франция и «владычица морей» Великобритания. Соперничество между этими государствами насчитывало не одно столетие, а непримиримые противоречия между ними определяли основное содержание наполеоновских войн. Россия также бесспорно являлась великой державой. Она имела обширную территорию и обладала огромными людскими и материальными ресурсами, поэтому ее мощь и значимость была тогда сопоставима с Францией и Англией. Самостоятельными игроками в Европе были также Пруссия и Австрия, они выполняли роль периферийных центров, вокруг которых группировались мелкие государственные образования Германии, не имевшие возможность проводить независимую политику. Но всегда сказывались конкурентные австро-пруссские противоречия, чем успешно пользовался Наполеон Бонапарт. В отличие от этих государств, находившихся всегда в зоне прямого удара со стороны Франции, Россия, как впрочем и Англия, была менее уязвима. Империя Александра I географически располагалась не в центре Европы и могла выбирать союзников.

Российская держава тогда могла выбирать один из трех вариантов поведения на международной арене: 1) вступить в союз с Францией против Англии; 2) соблюдать нейтралитет (от самоизоляции до политики «свободных рук»); 3) вступить в коалицию с Англией и другими странами против Франции.

Сразу укажем, что российской дипломатией попеременно были использованы все три модели поведения. Но второй вариант реагирования на происходившую в Европе борьбу с 1804 г. существовал лишь как теоретический, поскольку был уже недопустим для такой великой державы как Россия. Она не могла позволить соседям принимать за себя судьбоносные решения, поскольку отказ от защиты своих интересов означал потерю всякого влияния в Европе. Правда, Александр I в самом начале XIX в. старался придерживаться политики нейтралитета, но удержаться в этих рамках не сумел. Военный пожар стал бушевать в Европе, и России пришлось выбирать между Францией и Англией: с кем и против кого «дружить».

Как и с кем «дружила» Россия в этот период, написано в школьных учебниках по истории, из которых ученики узнают, например, о блистательных суворовских походах в Италию и Швейцарию в 1799 г., о неудачных кампаниях русских войск в Австрии и Пруссии в 1805–1807 гг. Что же делали русские полки так далеко от российских границ? Обычно при ответе используют современную терминологию, достаточно часто, например, такое модное слово как геополитика. Хотя лично мне этот термин не совсем по душе, но приходится пользоваться им, поскольку он уже прочно вошел в обиход историков. Понятно, что русские солдаты вдали от Родины защищали геополитические интересы своей державы. К слову сказать, французские войска под предводительством Наполеона в тот же период также воевали за пределами своих границ по всей Европе, и сражались они за удержание за Францией завоеванных земель, постепенно приближаясь к русской территории. Поэтому перед Россией тогда стояла задача недопущения разрастания европейского военного пожара до собственных пределов. Этот общеевропейский конфликт

начался еще с конца XVIII в. и закончился лишь в 1814 г., когда русские войска вместе с союзниками вошли в Париж и поставили там победную точку.

Преобладающий взгляд в нашей отечественной историографии полагает правильным внешнеполитический курс Александра I на проведение совместной политики с Великобританией в борьбе против французской гегемонии в Европе. Существует и иная точка зрения – идея закономерной и жизненной необходимости союза Франции и России из-за отсутствия между ними непримиримых противоречий. Он был широко аргументирован в конце XIX в. А. Вандалем и А. Трачевским¹. В советской историографии эти мысли талантливо интерпретировал А.З. Манфред². Из современных авторов подобной точки зрения придерживался О.В. Соколов³.

При пристальном рассмотрении проблемы объективности геополитического союза России и Франции возникает много вопросов. Почему русские сражались с французами в 1799, 1805–1807, 1812–1815 гг.? Почему в указанные временные отрезки этот фактор «не срабатывал»? Почему зачатки политического франко-русского союза очень быстро зачихли в этот период?

Франция и Россия тогда являлись европейскими империями с различными экономическими, социальными, идеологическими и религиозными устоями. Главное отличительная черта – Россия была тогда феодально-крепостническим государством!!!. Фундамент ее экономики составляло крепостническое сельское хозяйство. Товарообращение сельхозпродукции и сырья было в целом направлено на торговлю с Англией. Но тут важно отметить не только экономический фактор, но также социальные и идеологические моменты.

Главной социальной основой крепостнического государства и цементирующим стержнем самодержавия было дворянство. Оно являлось единственной общественной силой, единственным сословием, имеющим политическое значение. Император не мог один руководить страной, не имея поддержки в среде господствующей корпорации. Другой опоры у самодержавия не было, проводимая внутренняя и внешняя политика ориентировались на интересы

этого слоя. Российское дворянство быстро лишало своего монарха возможности царствовать, если его политическая направленность оказывалась не в пользу интересов этого сословия. Исторические примеры XVIII столетия наглядные тому свидетельства, когда дворцовые перевороты в Петербурге, по выражению одного классика, были «до смешного легки».

Что же могла предложить Франция на рубеже двух веков русскому императору, России и в первую очередь российскому дворянству, благополучие которого напрямую зависело от крепостной деревни и внешней торговли? Идеи о свободе, равенстве и братстве (очень актуально для крепостников!), отрицание религии, лозунг «Смерть королям!» (читай, и дворянам тоже) и в придачу французскую гегемонию в Европе! И, что же, после этого дворянство, поставлявшее империи управленческие кадры, полностью осознав прогрессивные интересы французских буржуа, должно было убедить свое правительство, что Франция – это единственный и естественный союзник России? Не могло все сословие поголовно поглупеть настолько, что у него бы напрочь атрофировалось социальное чутье.

Напротив, представители благородного сословия отлично отдавали себе отчет, что революционная «зараза» представляет вполне реальную угрозу устоям государства и их личному положению. Минуло всего лишь 30 лет со времени Пугачевского бунта, а воспоминания об испытанных тогда страхах сохранялись в памяти нескольких поколений дворянства, о чем остались свидетельства в письмах представителей благородного сословия в 1812 году. (Наполеон мог пообещать вольность крепостным). О том, что русские дворяне боялись Наполеона «как носителя идеи свободы и прежде всего крестьянской свободы», в свое время писал историк А.В. Предтеченский, а это, по его мнению, в свою очередь способствовало тесному единению дворян, как класса, вокруг трона⁴. Дворянству тогда было что терять. Поэтому Россия крепостническая (другой России тогда не существовало) определенно оценивала наполеоновскую Францию, даже сохранявшую к тому времени лишь тень революционных традиций, как своего главного идеологического противника.

Сегодня историки сколько угодно могут полагать, что Франция после реформ Наполеона изменилась и старательно адаптировалась под «старый режим». Проблема заключалась в том, что русские дворяне продолжали считать Бонапарта наследником революции. Для них он мало чем отличался от французских безбожников-санкюлотов⁵.

В свое время Н.И. Казаков опубликовал большую выборку в основном, отрицательных мнений представителей русского общества о французском императоре и проводимом им внешнеполитическим курсе⁶. В целом же, правительственная политика по отношению к Франции пользовалась поддержкой и не вызывала общественного недовольства. А таковое периодически возникало, причем с откровенно антифранцузской направленностью: Тильзитский мир 1807 г., Русско-шведская война 1808–1809 гг., кампания 1809 г. против Австрии.

Как полагают некоторые любители геополитики, Александр I должен был вступить в союз с Наполеоном ради национальных интересов своей империи (правда, в чем они заключались, никогда не объяснялось). Обычно для доказательства приводится пример первой крупной попытки франко-русского сближения в самом конце правления императора Павла I. Пример, правда, самый неудачный, ибо он опровергает выдвинутый тезис и доказывает совершенно обратное. Император заплатил жизнью за забвение истины, выраженной словами графа Н.П. Румянцева, что русский деспотизм «ограничен дворянскими салонами»⁷.

Дворянство в то время являлось единственной социальной и общественной силой, способной определить, сформулировать и выразить свои политические интересы, т. е. говорить от имени всей империи. Александр I прекрасно понимал, на кого необходимо ориентироваться в своей политике, чтобы сохранить не только власть, но и жизнь. Внешнеполитические устремления государства тогда определялись интересами дворянства, которое уже четко определилось, что с Францией Бонапарта ему не по пути. В этом и заключалось идеологическое обоснование курса Александра I и мотивов государственного эгоизма, определяемого, помимо прочего, эконо-

мической, финансовой и политической пользой страны. Остальные социальные группы оставались безмолвными, даже духовенство и купечество, не говоря уже о крестьянстве или о других малочисленных сословиях. Поэтому можно с уверенностью говорить, что проводимая политика имела вполне внятную и логичную мотивировку, а не диктовалась эгоистической «личной неприязнью» Александра к Бонапарту.

Это подразумевал и простой анализ геополитического расклада сил в Европе. Географическое расположение Франции и России при идеальных условиях дает шансы стать надежными союзниками. Напомним, что до 1807 г. у них отсутствовала общая граница. Но между ними располагались многочисленные государства раздробленной Германии, где как раз происходило столкновение французских и российских интересов – у российского императора именно в этом регионе имелось достаточно много родственников.

В конце XIX столетия после создания мощной Германской империи геополитический фактор сработал очень четко. Франция и Россия, даже имея тогда различное политическое устройство, вступили в союз против Германии. Такой союз оказался востребован. Все предубеждения и предвзятости перевесила государственная целесообразность. А вот в начале XIX в. германской угрозы не существовало. Это значит, что в тот момент отсутствовала двухсторонняя потребность в союзе между Францией и Россией против Германии. Даже поборник русско-французского союза А. Вандаль, отдавая должное политическому фактору в отношениях между двумя империями, писал в предисловии к своему труду: «Несмотря на то, что природа расположила оба государства так, как бы предназначала их для союза, политика нагромодила между ними противоречивые интересы»⁸.

Англия была расположена в стороне от Европы, и у России не было даже малейшей нужды объединиться с кем-либо, а тем более с Францией, для проведения антибританской политики. Наоборот, все пять великих держав тогда вели дипломатическую и военную борьбу за преобладание в немецких землях. И самой главной угрозой явля-

лась французская экспансия в этом регионе. А поскольку это был центр континента, от этого зависело будущее Европы и всего мира. Например, Д. Ливен полагал, что для контроля Европы «требовалось покорить ее каролингское ядро – иными словами, Францию, Италию, Германию и Нидерланды. В этом Наполеон преуспел. Но после этого будущий европейский император столкнулся с двумя грозными периферийными центрами силы в лице России и Великобритании. И та, и другая, естественно, рассматривали каролингское ядро Европы, как угрозу для своей безопасности, и стремились победить его. Поэтому Наполеону, в роли наследника Карла Великого, было затруднительно добиться прочного мира»⁹.

Анализ всех антинаполеоновских коалиций дает возможность увидеть, что помимо бессменного «банкира» союзников – Великобритании – в их состав с периодическим выбыванием входили Австрия, Пруссия, Россия, по выражению Э.Э. Крейе, «альянс фланговых государств против центра»¹⁰. Антинаполеоновские коалиции возникали из-за боязни европейских стран перед французской армией. Это был осознанный выбор государств, видевших реальную опасность для своего суверенитета со стороны Наполеона, «врага всемирного спокойствия».

Как раз с точки зрения основ геополитики англо-русский союз имел тогда гораздо больше шансов на реализацию, несмотря на существовавшие разные подходы сторон при решении конкретных задач европейской политики. Такой союз был вполне закономерен: так как оба государства имели сходные интересы в отношении Центральной Европы, им оставалось только договориться между собой, что в конечном итоге они и сделали.

Александр I с 1804 г. являлся проводником активной антифранцузской политики. Его можно назвать и идеологом последовательной русской стратегии в Европе. Во всяком случае, в проведении долговременной политики в европейских делах России того времени ему не откажешь. Другое дело, он не был безгрешным государственным деятелем, поэтому нужно сказать о его явных ошибках. Благо, что тогда положение России допускало определенный лимит прома-

хов своего молодого императора. В частности, его главной ошибкой в 1805 г. стала переоценка боеспособности русских войск и вера в мощь союзников по коалиции – Австрии, а затем Пруссии. Его представление об армии базировалось на гатчинском военной воспитании, полученном от Павла I. Он испытывал «странное почтение» к Пруссии, что также объяснялось гатчинским духом и всем периодом правления его отца, когда российская армия строилась на прусский манер и господствовали прусские военные порядки. Прусская армия в глазах Александра I оставалась до 1806 г. образцом для подражания. Вина за полный разгром русской армии под Аустерлицем во многом лежит на нем из-за его неопытности и личного вмешательства в дело военного управления.

Противостояние России и наполеоновской Франции после поражений при Аустерлице и Фридланде закончилось в 1807 г. в Тильзите. Началась эра кратковременного военно-политического союза России и Франции. При анализе Тильзитских договоренностей возникает ряд вопросов. Один из них – почему русские пошли на заключение союза? Ведь можно было пойти лишь на заключение мирного договора. И Наполеон согласился бы с этим. Русская дипломатия в лице Александра I пошла на этот шаг, чтобы сохранить существование Пруссии (своей союзницы), поскольку свыше 95% всей ее территории была в руках французов, а Наполеон не горел желанием отдавать ее. Пруссия, хотя и урезанная в два раза, осталась на политической карте Европы только благодаря тому, что российский император пошел на заключение союза с Францией. Здесь можно привести мнение С.Н. Искюля: «Позиция Александра I накануне и во время переговоров во многом определялась стремлением сохранить Пруссию как государственную единицу», и это сохранение, «хотя и в урезанном виде, безусловно, следует считать успехом российской внешней политики»¹¹.

Цена Тильзита для России – сохранение Пруссии как государства. В тексте статьи IV Тильзитского договора прямо и недвусмысленно указывалось, что Наполеон «из уважения к Его Величеству Императору Всероссийскому и во изъявление искреннего своего же-

лания соединить обе нации узами доверенности и непоколебимой дружбы» согласился возратить прусскому королю, хотя и в изрядно урезанном виде, его владения¹².

Сторонники франко-русского сближения оценивают Тильзит как пример объективной неизбежности такого союза. Но этот договор был заключен вопреки законам геополитики и имел иные резоны. В 1807 г. Россия получила на своих границах новое государство, Великое герцогство Варшавское – сателлита Наполеона. А это ситуация уже вступала в противоречия с основными положениями геополитической теории, так как прямое соприкосновение в будущем увеличивало вероятность военного столкновения.

Для России Тильзит был продиктован вынужденной необходимостью и стал временным компромиссом. До начала грядущего столкновения с Францией он давал возможность изменения русских границ в Финляндии и на Балканах, то есть обеспечивал стратегические фланги будущего театра военных действий. Тильзит позволил взять России очень важную стратегическую паузу для подготовки будущей войны с Наполеоном. В этом также заключался прагматизм русской политики.

Поэтому зададимся вопросом: насколько Тильзитский договор соответствовал национальным интересам Франции и России? Франции – да. Тильзит обеспечивал Наполеону господство в континентальной Европе и давал ему возможность бороться с главным противником – Великобританией. А для России? Разве англичане были тогда главными врагами России? Можно даже гипотетически представить результат такого франко-русского союза, если бы Наполеон победил в противостоянии британского «льва» (военным путем или экономическими средствами). Что в итоге получила бы Россия? Она осталась бы одна без союзников и имела бы по соседству могущественную империю, полностью подчинившую всю Европу. Куда бы направились все усилия и энергия нового завоевателя? Против России, единственной еще не подконтрольной территории в Европе. Таковы были бы реалии и стратегические последствия подобного решения.

В 1807 г. Россия вынуждена была объявить войну Англии. Безусловно, англичане имели свои «грехи» перед Россией в 1806–1807 гг.; налицо было и раздражение русской элиты британской политикой. Объявленная война продолжалась пять лет. Она носила формальный характер и многие ее характеризовали как «бездымную»¹³, поскольку военные действия практически не велись. Обе страны стремились не провоцировать эскалацию лишь номинально объявленной войны.

Смею предположить, что Александр I в 1807–1812 гг. всегда реалистично полагал, что главным врагом для него была не Англия, а Франция. У России и Франции в тот период были обозначены слишком разные приоритетные задачи и в то же время отсутствовали общие интересы. Российский монарх в этот период считал, что Россия будет успешнее противодействовать гегемонистским планам Наполеона, находясь с Францией в союзе, нежели в прямой конфронтации, а заодно сможет решить свои стратегические задачи. Англичане же все это время оставались потенциальными русскими союзниками, также как и русские для англичан.

Александром I учитывались самые различные конкретные факторы в оценках политической конъюнктуры и текущих процессов при принятии решений, в том числе и не в пользу существовавшего русско-французского союза. Можно сказать, что несмотря на наличие Тильзитского договора, русский стратегический курс продолжал в 1807–1812 гг. как и прежде оставаться неизменным и был нацелен на будущую борьбу с Наполеоном. Уже с 1812 г., учитывая общие интересы и цели, русские и англичане, правда, на разных концах континента, стали воевать как союзники с французскими войсками, и сумели довести совместную борьбу до ее окончательной победы.

Подводя итоги, можно с уверенностью утверждать, в России национальные интересы во внутренней и внешней политике тогда формулировало и выражало дворянское сословие через своих представителей в высшей бюрократии и в обществе. Император Александр I, определяя конкретные шаги при проведении внешнеполитического курса, всегда ориентировался на российское дворянство, видевшего в Наполеоне своего главного идеологического противни-

ка. Кратковременный период, когда Россия состояла в военно-политическом союзе с Францией, был компромиссом самодержавия с вероятным противником. Это время (с 1807 по 1812 гг.) было использовано русскими властями для подготовки к будущему военному столкновению с империей Наполеона. И нет никаких сомнений, кто одержал окончательную победу. Это Россия!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Вандаль А.* Наполеон и Александр I: Франко-русский союз во времена Первой империи. Т. I–III. СПб., 1910–1913; *Трачевский А.* Франко-русский союз в эпоху Наполеона // Исторический вестник. 1891. № 6.

² *Манфред А.З.* Наполеон Бонапарт. М., 1971.

³ *Соколов О.* Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа 1799–1805 гг. Т. I. М., 2006. С. 78–79, 96, 127, 128, 131, 140.

⁴ *Предтеченский А.В.* Отражение войн 1812–1814 гг. // Исторические записки. Т. 31. М., 1950. С. 227, 229.

⁵ А.В. Предтеченский писал, что только в первые годы XIX в. и только в либеральных кругах отношение к Наполеону было благожелательным и не враждебным: «Общий либеральный дух, царивший тогда в части дворянской общественности, накладывал свой отпечаток на отношение к Наполеону» (*Предтеченский А.В.* Отражение войн 1812–1814 гг. // Исторические записки. Т. 31. С. 222). Положение это, правда, вскоре очень быстро изменилось даже у либеральной интеллигенции, особенно после расстрела герцога Энгийенского и дальнейших внешнеполитических шагов Н. Бонапарта.

⁶ См.: *Казаков Н.И.* Наполеон глазами его русских современников // Новая и новейшая история. 1970. № 3–4.

⁷ Цит. по: *Шебунин А.* Из истории дворянских настроений 20-х годов XIX века // Борьба классов. 1924. № 1–2. С. 51.

⁸ *Вандаль А.* Указ. соч. Т. I. С. I.

⁹ См.: *Ливен Д.* Россия и наполеоновские войны: Первые мысли новичка // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. IV. М., 2007. С. 35.

¹⁰ *Крейзе Э.Э.* Политика Меттерниха: Германия в противоборстве с Наполеоном 1799–1814. М., 2002. С. 86.

¹¹ *Искюль С.Н.* Внешняя политика Россия и Германские государства (1801–1812). М., 2007. С. 131, 145. В инструкциях уполномоченным вести переговоры в Тильзите Александр I очень четко указал: «Вопрос,

интересующий меня превыше всего, – это восстановление короля прусского в его владениях» (Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. III. М., 1963. С. 756).

¹² См.: Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. III. С. 632, 638.

¹³ «Бездымной» эту войну назвал известный русский историк Н.Ф. Дубровин. См.: Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX в. // Русская старина. 1901. № 9. С. 449–450.